

**СПОСОБНОСТЬ К ПРАВОВЫМ СУЖДЕНИЯМ КАК
УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

М.И. ПАНТЫКИНА

Необходимость создания условий для самореализации правовой личности, повышения уровня либерализации ее правосознания является одной из наиболее обсуждаемых проблем современной философии права. Интерес к этой теме вызван сложившимся в российской правовой жизни противоречием, соответствующим известной формуле: «Низы не могут, верхи не хотят». Действительно, с одной стороны, очевидно отставание российского законодательства и практики правоприменения от социальных процессов и явлений, которые оказывают эмансипационное влияние на правовую личность, в частности, таких как доступность информации, многообразие форм политической и частной жизни, девальвация традиционных ценностей, гуманизация уголовных наказаний и т.д. А с другой стороны, как показывают недавние социологические исследования, россияне зачастую не только не стремятся к расширению пространства личной свободы, но и не претендуют на реализацию прав и свобод, гарантированных действующим законодательством¹. Демонстрируемая ими правовая незрелость препятствует реализации их собственных законных интересов и потребностей, сдерживает динамику развития гражданского общества в целом. Как утверждал И. Кант, причинами несовершеннолетия великовозрастной личности являются леность и трусость публично пользоваться собственным разумом².

Экстраполируя этот кантовский тезис на проблему формирования правовой личности, можно предположить, что ее правовая зрелость (или праводеееспособность) зависит от способности к правовым суждениям, т.е. от способности к самостоятельным размышлениям и высказываниям о своих правах и обязанностях. Данная гипотеза отнюдь не является тривиальной, поскольку имеются существенные теоретические пробелы в изучении феномена правовых суждений, а способность к ним в качестве условия формирования правовой зрелости личности не исследовалась совсем. Для доказательства этой гипотезы необходимо, прежде всего, выявить сущность и основные особенности правовых суждений, затем перейти к исследованию способности к ним в качестве условия формирования и реализации праводеееспособности личности.

Итак, что такое правовое суждение? Понятие «правовое суждение» возникло в традиции позитивизма, в рамках которого определялось как высказывание о правовом факте, подчиненное формально-логическим правилам³. Думается, что, несмотря на то, что формальная логика является «грамматикой» языка юристов и входит в состав юридической техники, периодически возникает вопрос о практической целесообразности редукции всего многообразия правовых суждений к формально-логическим выводам. Так, например, Ж.-Л. Бертелье подчеркивал, что динамика фактов не совпадает с техникой правовых суждений, а склонность к мифологизации их логической стройности аналогична случаю с шизофреником, который обосновывает безрассудные утверждения логически безупречными умозаключениями⁴.

На практике юристы, не ограничиваясь фигурами и модусами формально-логического вывода, применяют все виды умозаключений, «сдабривая» их собственными представлениями о праве. Более того, различные представления юристов о предназначении права формируют разные по форме и содержанию суждения. Если некий юрист считает, что первоочередной задачей права является создание определенной дисциплины в обществе, то он будет использовать суждения, основанные на анализе достоверности фактов, на жестком толковании норм. Юрист, видящий свою задачу в том, чтобы конкретным образом вершить правосудие, будет использовать суждения, основанные на интуиции или обыкновенном здравом смысле, стремясь к преобладанию соображений справедливости. Таким образом, наличие общепринятой юридической техники не подразумевает единообразия правовых суждений.

Особый подход к исследованию правовых суждений сложился в юридической лингвистике. В рамках этой предметной области правовые суждения получили семантическую характеристику и определяются как речевые действия в виде выражения обязательств, приказа, сообщения, заявления, констатации решения и т.д. В этом качестве правовые суждения могут сигнализировать о нормативной связи субъекта с законодателем и институциями, представляющими его полномочия, но могут быть выражены и в форме суждений субъекта права о своей состоятельности притязать на предоставление или исполнение определенных прав. Первый вид суждений получил название перформативных (нормонаделяющих и нормообразующих) высказываний. На их значение в создании институциональных фактов указывал Дж. Сёрл. Он утверждал, что «перформативность относится к тому, что я называю “декларация”. В декларации положение вещей, представляемое содержанием препозиционного речевого действия, переносится в бытие посредством успешной демонстрации истинности речевого действия. Институциональные факты могут быть созданы благодаря перформативности таких предложений, как “Встреча откладывается”, “Я завещаю мое состояние племяннику”, “Я назначаю Вас председателем” и т.д. Эти высказывания

создают положение вещей, которое они представляют; и в каждом случае, положение дел — институциональный факт»⁵.

На высказывания, жестко вписанные в существующие социальные структуры, обращал внимание и Э. Гуссерль, называя их оповещениями. Однако, если в аналитической юриспруденции их значение абсолютизировалось (достаточно вспомнить теорию команд Дж. Остина), так что можно было поставить знак равенства между правовыми и перформативными высказываниями, то Гуссерль сомневался в оправданности такой трактовки. В частности, он полагал уместным уточнить, имеет ли оповещение существенное отношение к необходимой связи, то следует ли из этого, что оно не должно иметь сущностное отношение к вероятностной связи. Другими словами, «там, где одно указывает на другое, там, где убежденность в бытии одного эмпирически (т.е. случайным, не необходимым образом) мотивирует убежденность в бытии другого, не должна ли тогда мотивирующая убежденность содержать вероятностное основание для мотивированной?»⁶

В лингвистике высказывания, связанные с интерпретацией того, что реализуется вероятностным образом, а также толкованием неоднозначных ситуаций, получили название мотивирующих. Если признать самостоятельность их статуса в правовой жизни, то целью правовых суждений должны быть не только объективация требований и предписаний правовых институтов, но и субъект права так таковой. Как следствие, мотивирующие суждения используются при комбинировании значений, например, в ситуации, когда требуется разрешить дилемму или спор конфликтующих сторон.

Очевидно, что в речевой практике в равной степени представлены как перформативные, так и мотивирующие высказывания. Если область перформативных высказываний ограничена формально-логическими изложениями официального права (область юридической догматики), то мотивирующие суждения используются для описания всех остальных аспектов правовой жизни личности, для выражения ее активности как «бодрствующего субъекта» (Э. Гуссерль).

Анализ юридического и лингвистического подходов позволил получить несколько определений и классификацию правовых суждений. Однако эти результаты можно рассматривать только как подготовку к постановке основной задачи предлагаемого исследования — установления связи между способностью к правовым суждениям и правовой зрелостью личности. Поэтому решение исходного вопроса «Что такое правовые суждения?» необходимо дополнить исследованием особенностей правовых суждений в контексте их влияния на правовую личность.

Определяющей («классической») особенностью правовых суждений является их легитимность. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Ю.Е. Пермякова о том, что правовым может быть признано суждение, имеющее, благодаря соблюдению процедуры, императивный характер и обладающее юридической силой⁷. Способность к правовым суждениям

как праводеееспособность правового субъекта также идентифицируется посредством признания официальной инстанцией ее легитимности. Именно поэтому прерогатива формулирования и артикуляции правовых суждений закрепилась за профессиональным сообществом юристов.

Для достижения легитимности правовых суждений юристы используют разнообразные речевые средства: «...систематическое использование изыскательного наклонения при формулировке норм; употребление глаголов в значении констатации в третьем лице единственного числа настоящего или совершенного вида прошедшего времени (“принимает”, “признает”, “заявил” и т.д.), свойственное риторике официального констатирования и протокола; использование неопределенных местоимений (“каждый осужденный...”) и вневременного настоящего (или “будущего юридического”), призванных выражать всеобщий и вневременной характер закона; ссылка на транссубъективные ценности, предполагающие наличие этического консенсуса (например, “как хороший отец семейства”); применение лапидарных формул и устойчивых выражений, не оставляющих простора для индивидуальных вариаций»⁸. Разумеется, что как любой род профессиональной деятельности, работа юристов сопряжена с необходимостью оперировать специальными терминами, формулами и стилями. Однако только юридическую профессию отличает жесткая регламентация ритуализированного дискурса.

Правовой субъект, желающий заявить о правах или создать для себя обязанности (т.е. стать дееспособным по существу), не всегда может достигнуть поставленной цели в силу того, что по различным причинам он может быть исключен из ритуализированного дискурса. Можно ли считать эту вынужденную «немоту» правового субъекта основанием признания его недееспособности? Поскольку ритуализированный дискурс ситуативен, то исключение из его пространства не может иметь столь серьезных последствий. Однако опыт правовой жизни показывает, что именно страх оказаться вне закона, превратиться в неправую личность вынуждает прибегать к услугам нотариусов, адвокатов, следователей и других уполномоченных лиц. При этом, обращаясь к ним, заявитель невольно использует канцеляризмы, которые, зачастую, только затрудняют понимание существа дела.

Между тем профессиональный язык юристов, если его сознательно не фетишизировать, является удобным и эффективным инструментом выражения норм, правил, дефиниций, решений и т.д. Технические средства оформления правовых суждений сами по себе не служат отчуждению правового субъекта. Наоборот, их семантика и грамматическая структура могут корректироваться в соответствии с условиями конкретной юридической ситуации и притязаниями правовой личности. Возможность установления релевантности между «профессиональными» правовыми суждениями и притязаниями правового субъекта-дилетанта обусловлена тем, что кроме формально-логических

оснований, правовые суждения обладают такими «неклассическими» особенностями как интерсубъективность, нарративность, коннотативность, эмерджентность и символизм.

Интерсубъективность правовых суждений проявляется в их способности образовывать связи между всеми участниками правовой коммуникации. Они, с одной стороны, конституируют правовую личность через ее биографическое повествование, а с другой — предполагают Другого в качестве говорящего или слушающего. Языковая коммуникация с Другим определяет правовую вменяемость личности как публичную готовность свидетельствовать о самой себе и о своих представлениях о праве. Как подчеркивал П. Рикёр, «именно в общественном пространстве дискуссии мы представляем другим не только доказательства наших утверждений, но и основания наших действий и суть нашей повествовательной идентичности. Именно в общественном пространстве мы отвечаем на вопрос «Кто вы?». В этом смысле вопрос «Кто?» сам является общественным (*publique*)»⁹. В процессе поиска ответа на вопрос «Кто для Другого?» конституируется биографическое повествование об опыте освоения норм и ценностей социального порядка, рассказчик истории своей жизни идентифицирует самого себя со способностью отвечать за свои слова и поступки, т.е. считать себя тем же «Я», которое совершило поступок и которому надлежит расплачиваться за его последствия.

Содержательно-историческую связь правовых суждений с «биографией» правовой личности можно определить как нарративную, а соответствующую характеристику правовых суждений — как нарративность. Исследование этой характеристики начинает активно развиваться в рамках нарративной юриспруденции¹⁰, исходящей из допущения о том, что если в процессе коммуникации постоянно возникает напряженность и ее разрешение достигается в виде соглашения, то это указывает на наличие устойчивых моделей, схем и правил повествовательного дискурса. Задача нарративной юриспруденции состоит в том, чтобы их выявить, а затем операционализировать. Предметом ее изучения могут быть как древние артефакты, так и современные правовые тексты, как истории, возникающие в работе юристов-практиков, так повествования их клиентов, как свидетельства истории юридического образования, так и произведения массовой культуры (судебные ток-шоу, моральные истории, детективы, боевики и т.д.)¹¹.

Основная методологическая установка повествовательной юриспруденции состоит в полагании нарратива в качестве фокуса познания явлений и процессов правовой жизни. Экстраполируя эту методологическую установку на исследование правовых суждений, можно обнаружить не только нюансы правового дискурса, но и выявить их существенные характеристики:

1) правовые суждения включают в себя индикаторы степени социализации индивида, меры развитости его языковой и коммуникативной компетентности;

2) правовые суждения, кроме коннотаций, производных от научной рациональности, содержат смысловые компоненты опыта профессиональной и «естественной» (непрофессиональной) речевой деятельности;

3) правовые суждения, как правило, ретроспективны, так как направлены на прояснение значений каких-либо событий;

4) правовые суждения интегрируют легитимность притязаний правового субъекта, исходя из осмысленности отдельных частей его повествования;

5) правовые суждения в повествовании подчинены его универсальной цели – созданию позитивного образа автора и связанных с ним событий;

6) правовые суждения темпоральны, поскольку они позволяют конфигурировать последовательность событий в единое целое в соответствии с сюжетным замыслом автора повествования;

7) повествующие правовые суждения перформативны, поскольку они подводят под последовательность событий окончательный вывод и, в этом качестве, становятся побудительным мотивом (призывом) действий или аргументом в идеологической борьбе.

Примером нарративной модели толкования юридических фактов является презумпция. Если отвлечься от традиционного понимания этого юридического явления и рассмотреть его как форму повествования, то становится очевидным, что юридическая презумпция – это предположение некоего исхода события, состояния или действия, основанное на вероятности. Она показывает, что существуют юридические события с множественной интерпретацией, а избыток смысловых привнесений или исключений бывает настолько существенным, что юридическое событие утрачивает семантические границы, необходимые для конструирования юридического факта. Презумпция в этом случае оказывается конфигуратом различных интерпретаций или интегративным предположением о последствиях событий. Ее содержание строится с помощью нарративов в процессе самого судебного разбирательства. Поэтому презумпция способна выйти за рамки наличной ситуации, придать юридическому факту новый смысл, если этот смысл вообще оказывается возможен.

Нарративность правовых суждений проявляется еще и в том, что практически невозможно установить семантическое происхождение юридических понятий, формул, нормативных утверждений. Представители нарративной юриспруденции пытаются реконструировать их изначальное значение, чтобы понять, что же на самом деле «говорится» в процессе их использования. Интересный опыт подобной «нарративной археологии» представлен в работе Дж. Агамбена «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь» (2011), в которой автор анализирует формулу homo sacer архаического периода римского права на материалах как древних, так и современных источников. Парадоксальная амбивалентность этой формулы заставляет Дж. Агамбена искать истории, в которых бы оба значения понятия sacer (священный и отверженный) уравнове-

шивались. В результате выяснилось, что в древних религиозных текстах homo sacer трактуется как проклятый святой, или преступник, посвященный богам подземелья. Для богов, которым принято поклоняться, он — ничто, «кукла», форма исключения из правила. Поэтому homo sacer нельзя принести в жертву, но можно безнаказанно убить. После того как эта религиозная формула была перенесена в уголовное право, появляются повествования с другими ее интерпретациями. Например, в историях, описанных в Законах XII таблиц и «Сатурналиях» Макробия, формула homo sacer утверждает законность насилия и безнаказанность убийства в случае суверенного решения. В конечном итоге, как пишет Дж. Агамбен, эта формула, дополняясь другими юридическими формулами, создала идеологические условия конституирования области политического, в которой и по сей день сливаются воедино жертвоприношение и убийство. А «областью суверенного решения следует считать ту область, в которой можно совершить убийство, не совершая при этом преступления, но и не осуществляя жертвоприношения; тем самым vita sacra, то есть жизнь, можно отобрать, просто убив»¹². Думается, что факт беспрецедентного насилия, остающегося частью политики многих государств, откроет новую страницу в изучении понятия homo sacer.

Итак, интерсубъективность и нарративность представляют право как коммуникативную систему, которая устанавливает соответствие содержания правовых суждений предшествующим, последующим или внеположенным контекстам¹³. Последние в свою очередь формируют множество коннотативных означаемых или, в терминологии Р. Барта, коннотаций. Под коннотацией принято понимать любую дополнительную информацию, возникающую в коммуникативной практике и имеющую такие компоненты, как стилистическое значение, эмоционально-экспрессивные наслоения, прагматическое содержание и семантическую окраску¹⁴, т.е. все то, что имплицитно определяет направление толкования конкретного текста.

Для классической лингвистики характерно представление о том, что денотация и коннотация являются равноценными, но разнонаправленными способами языковой деятельности. Как пишет О.Г. Ревзина, «в системе языка закреплены, например, такие соотношения: если денотативно передается информация о “положении дел”, то коннотативно — информация о человеке, которому принадлежит вербализация этого “положения дел”; если денотативно передается сообщение, то коннотативно — информация об акте коммуникации»¹⁵. Иная трактовка отношения между денотацией и коннотацией сложилась в неклассической и постнеклассической лингвистике и философии языка. В частности, Р. Барт утверждал, что денотация, в силу того, что она является основанием самой себя и сама себя определяет как единственно возможную фиксацию предмета, обеспечивает классическому тексту привилегию безгрешности. На самом же деле денотативный смысл отнюдь не первичен. Он только «прикиды-

вается таковым; под воздействием такой иллюзии детонация на поверку оказывается лишь последней из коннотаций»¹⁶.

В ходе становления юриспруденции, практики законотворчества и правоприменения сформировались каноны юридических текстов, которые в полной мере соответствуют классическим требованиям логики, лингвистики и юридического толкования. Однако стремление следовать этим канонам, гарантирующее целостность структуры юридического текста и достижение однозначности денотативных означаемых, не всегда удается реализовать с помощью процедур юридической техники. Можно привести немало примеров отдельных правовых высказываний и текстов законодательных актов, толкование которых предполагает учет коннотаций. Так, И.Л. Честнов в статье, посвященной Всеобщей декларации прав человека, убедительно обосновывает мысль о том, что этот нормативный документ изначально создавался как средство идеологической борьбы и, следовательно, содержал множество коннотационных значений¹⁷. В частности, закрепленные Декларацией ценности либерализма, модернизации, индивидуализма имплицитно содержат указание на возможность навязывания стандартов прав человека иной культурной общности. Показательный пример анализа семантической множественности авторитетного юридического текста представлен в работе Н.В. Андрианова. В ней автор обращает внимание на то, что Конституция РФ в целом и отдельные ее статьи содержат понятия и выражения с неявными денотатами («утверждает мир и согласие», «возрождать суверенную государственность»)¹⁸, смежные нормативные требования с несовместимыми целями (например, в ч. 1 ст. 9 утверждается приоритетность общенародной собственности на природные ресурсы, а в ч. 2 — возможность их приватизации)¹⁹, нарушения смысловой последовательности (например, гарантируется защита прав национальных меньшинств, а права национального большинства не утверждаются, но и не отрицаются)²⁰ и т.д.

Возникает вопрос, можно ли рассчитывать на юридическую технику, если она оставляет значительный диапазон интерпретаций юридических текстов и семантических «входов»? Как показывают примеры правовых коннотаций, формально-логическая строгость правовых суждений и процедуры юридического толкования не гарантируют достижения однозначности денотационных значений. При этом «входы могут быть фиктивными, призванными скрыть доступ к определенным смысловым пластам»²¹. В частности, коннотативные отсылки Конституции РФ указывают на юридические тексты, повлиявшие на формирование Основного Закона, на внутривнутриполитический конфликт 1993 г., вошедший в историю под названием «Расстрел Белого дома», на массовое игнорирование референдума о ее принятии, на сложившуюся в России нигилистическую традицию отношения к конституционализму и парламентаризму и т.д. Как следствие, Конституционный Суд РФ зачастую вынужден своими решениями дезавуировать коннотации смыслов, чтобы предъявить де-

нотационный смысл той или иной проверяемой нормы. Но, как пишет Н.В. Андрианов, «денотационным или буквальным он становится не только и не столько благодаря использованной Конституционным Судом аргументации, сколько в силу его властных полномочий»²², которые, в свою очередь, также присутствуют в содержании основного Закона как отдельный коннотативный «вход». Итак, приведенных примеров, кажется, вполне достаточно, чтобы признать, что коннотативность является необходимой характеристикой правовых суждений, обеспечивающей их легитимность в условиях непрерывных социально-политических изменений.

Если возникновение правовых суждений «с коннотацией» имеет рациональное объяснение, а их содержание может быть, в конечном итоге, подведено под требования юридической техники, то феномен эмерджентных правовых суждений возникает случайно и связан с психолингвистическими установками конкретного правового субъекта. Этимология слова «эмерджентность» – появляемость, – указывает на то, что относительно таких правовых суждений можно только утверждать факт их наличия и впоследствии считаться с этим фактом. Один из множества примеров эмерджентного правового суждения описан в статье М.А. Краснова: «Когда готовился текст одного из публичных выступлений Президента России Б.Н. Ельцина, его первоначальный вариант включал слова о том, что государство должно быть **связано правом**. Вскоре от президента его помощникам пришел исправленный текст, в котором фраза была исправлена на “государство должно быть связано с правом”. Нетрудно понять, что этот предлог «с» в корне изменял смысл определения. Но именно так (т.е. вместе с предлогом) многие и воспринимают правовое государство»²³. Неожиданное для окружения первого президента РФ эмерджентное значение правового суждения не подлежит деконструкции и обязано своим появлением конкретной коммуникативной ситуации и личностным особенностям ее участников. Приведенный выше пример является типичным, убедительно доказывающим, что непредсказуемость семантических «поворотов» правовых суждений обусловлена тем, что «эмерджентные смыслы несут на себе следы прошлого опыта использующего слово человека и нагружены лексически не выразимыми смысловыми импликациями»²⁴.

Интерсубъективность, нарративность, коннотативность и эмерджентность составляют условия реализации следующей особенности правовых суждений – символизма, который выражается в интеграции известных предметных значений с коннотациями, репрезентирующими неявные, неартикулируемые социокультурные условия правовой жизни. Проявлениями символизма правовых суждений принято считать высказывания в виде клятвы, присяги, торжественного обещания, правовых формул и т.д. Однако подобного рода языковые конструкции правильнее было бы считать не символическими, а ритуальными, утверждающими легитимное соответствие производимых действий или процедур правовой

традиции. В отличие от ритуальности, символизм является прагматической характеристикой и реализуется в процессе вербализации явлений правовой жизни. Как происходит процесс символизации? Посредством каких этапов? Каким образом он влияет на состояние правовой жизни?

Символизировать событие или факт правовой жизни, значит связать в правовом суждении некую предметность и явления высшего порядка — правовые ценности. Последние выражают предельные представления субъекта о справедливости общественного порядка, а также дают оценку условий его гарантированности. Примером символизма правовых суждений можно считать известную «формулу Радбруха», которая «уравновесила» формализм официального законодательства с ценностями естественного права и символизировала непреодолимость юридической силы базовых правовых ценностей справедливости, свободы и равенства, которые полагались выше любого позитивного права. Именно это позволило в послевоенной судебной практике Германии повсеместно игнорировать законы, оставшиеся вместе с чиновниками и правовыми ведомствами со времен национал-социалистического режима, и выносить решения применительно к каждому отдельному случаю, руководствуясь сущностью права.

История права содержит немало подобных примеров символизации, когда конвенционально принятые формулы, презумпции или доктрины дополняли или преобразовывали трактовки правовых норм. Более того, символизм имманентно присутствует в любых формулировках законов. Например, возможность символического дополнения и превращения денотативного значения большинства статей Уголовного Кодекса заключается в том, что их адресат либо отсутствует вовсе, либо им являются правоохранительные органы. Законопослушные граждане о наличии таких норм часто не догадываются, а преступники о них узнают от работников правоохранительных органов. Поэтому наиболее распространенным способом информирования о нормах действующего законодательства является категоризация или публичное объявление о них в виде деклараций и директив²⁵.

Показательно, что предметом символизации чаще всего становятся позиции правовой коммуникации, а также ее адресаты. Эта «избирательность» символизации объясняется тем, что с помощью правовых суждений описываются и фиксируются статусы участников правовой коммуникации и отношения между ними, регламентируются ограничения и возможности их действий. На эту особенность правовых суждений обращал внимание П. Бурдье, утверждая, что только благодаря символизации поддерживается хабиитуализированная структура социальных позиций «юридического поля». Действительно, во-первых, правовые суждения производны от кодифицированных правил и процедур их построения, которые, в свою очередь, являются результатом конкурентной борьбы специалистов разных компетенций за место на рынке юридических товаров и услуг²⁶. Во-вторых, специфика семантических полей правовых суждений определяет линию демаркации между

«теоретиками» и «практиками»²⁷. В-третьих, с помощью юридического языка «профессионалы» формируют зависимую позицию «профанов», либо усиливая их «юридическую нужду» в отстаивании субъективных прав в установленном порядке, либо сводя ее на нет²⁸. В-четвертых, перформативные высказывания компетентных органов и их агентов представляют собой магические акты категоризации (*katègoresthai* — «публично обвинять») и легитимизации определенного, а ни какого-либо иного, видения порядка вещей, которые являются монополией государства. Как писал П. Бурдьё, именно оно «присваивает агентам гарантированную идентичность, гражданское состояние и, главное, социально признанные, а значит, продуктивные компетенции (или возможности) путем распределения прав на их использование — званий (учебных, профессиональных), свидетельств (о профпригодности, инвалидности, болезни); а также санкционирует все процессы, связанные с получением, увеличением, передачей или лишением этих прав»²⁹.

Анализ символизма правовых суждений показывает, что создаваемые ими семантические поля конструируют и структурируют правовую жизнь, вербализируют единство права и политики, что, в конечном итоге, обеспечивает сохранение установленного правопорядка. Легитимность как базовая характеристика правовых суждений ориентирована на формирование законопослушности и конформизма, а такие атрибуты, как интерсубъективность, нарративность, коннотативность и эмерджентность способствуют латентному подчинению правовой личности нормам права. Это позволяет сделать вывод о том, что правовые суждения сами по себе не формируют правовой личности. Такую функцию они могут выполнять только будучи включенными в состав ее «духовных добродетелей», или способностей. И. Кант трактовал способность суждения как чувственно-индивидуальную познавательную способность или здравый смысл. При этом он выделял определяющую способность суждения, которая, будучи средством рассудка, подводит конкретные случаи и факты под известные законы и правила, и рефлектирующую способность суждения, которая оказывается востребованной в ситуациях неопределенности³⁰. Рефлектирующая способность суждения, как и определяющая, нуждается в законе, но если не находит его во внешнем опыте, продуцирует его, исходя из целевых установок субъекта.

Что касается понятия «способность к правовым суждениям», производного от понятия «способность суждения», то его можно определить как умение рассуждать и высказывать оценивающие суждения в соответствии с определенными нормами или правилами. Если воспользоваться эвристическими возможностями кантовской классификации способностей суждений, то можно утверждать, что благодаря определяющей способности устанавливается связь между правовым случаем и нормой права, оценивается правомерность или неправомерность правового суждения. Рефлектирующая способность

формирует у правовой личности собственные принципы установления различий между формальной и реальной целесообразностью поступков, между легальностью и легитимностью, между патернализмом и личной ответственностью.

Собственно понятие «способность» в понятийной конструкции «способность к правовым суждениям», как писал П. Рикёр, содержит позитивные коннотации морального уважения и признания человека как субъекта права, а также отсылку к глубинной связи понятия способности с понятиями личной и коллективной идентичности³¹. Если принять во внимание эти коннотации, то способность к правовым суждениям должна рассматриваться как условие преодоления отчуждения правовой личности, возвращения ей воли, частных интересов, права усмотрения субъективно значимых смыслов в юридических фактах. В этом случае существенно расширяют границы интерпретации правовой нормы, которая становится «суждением с индексом», выполняющим «функцию реестра значений... и указателя последовательности изменений, происходящих с субъектами права внутри какого-либо юридического процесса»³².

Таким образом, способность к правовым суждениям — это одно из проявлений праводеееспособности, выражающейся в речевой деятельности, направленной на общепринятое определение и артикуляцию субъективной воли, правовых притязаний и интересов правового субъекта. Думается, развитие этой способности начинается одновременно с осознанием правовой личностью противоречия между *de jure* и *de facto*, обнаруживающимся в доминировании обязанностей над правами, в отсутствии паритета между индивидуальными притязаниями и социальными ограничениями, между декларируемыми целями права и реальными средствами их достижения и т.д. Опыт правовых отношений, самостоятельное выполнение правовых функций, не гарантируют разрешения этих противоречий. Они могут стимулировать волю к их преодолению, но могут и стать причиной формирования правового нигилизма. Убедившись в нетривиальности правовой жизни, правовая личность включается в коммуникативное пространство. Высказывая позитивные или негативные суждения относительно условий правопорядка, вербализуя свою включенность в те или иные правовые отношения, она демонстрирует наличие определенной позиции, которая, в свою очередь, свидетельствует о трансформации ее абстрактной правоспособности в дееспособность зрелой правовой личности. Последняя проявляется в рефлектирующих правовых суждениях, «когда интерпретация превращается в путь, по которому следует продуктивное воображение; когда проблема уже не в том, чтобы применить известное правило к случаю, описанному предположительно правильно, как это делается в определяющем суждении, но в том, чтобы «найти» правило, под которое удобно подвести факт»³³, и, в конечном итоге, ответственно подойти к решению правовой коллизии³⁴.

¹ Например, исследование ценностных ориентаций наиболее активного в социальном плане среднего класса выявило, что с 2008 г. по 2014 г. снизилась доля россиян, уверенных в том, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в случае, если большинство придерживается иного мнения (с 72% до 65%), а также возросла доля тех, кто считает, что права на защиту своих интересов при угрозе общественному порядку быть не должно (с 25% до 30%) (см.: *Мареева С.В.* Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 62).

² *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / пер. с нем. Н.О. Лосского. – М.: Издательство Дмитрия Карлова, 2012. С. 10.

³ Наряду с понятием «правовое суждение» в позитивистской теории права используется тождественное ему понятие «юридическое суждение».

⁴ *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под. общ. ред. В.И. Даниленко, пер. с фр. – М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 471, 478.

⁵ *Сёрл Дж.* Конструирование социальной реальности / реф. пер. с англ. А. Романовой. – URL: <http://www.philosophy.ohio-state.edu/searle.html>

⁶ *Гуссерль Э.* Логические исследования. Том II. Исследования по феноменологии и теории познания // Логос. 1997. № 10. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_10/01.htm

⁷ *Пермяков Ю.Е.* Философские основания юриспруденции. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006. С. 127.

⁸ *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 82.

⁹ *Рикёр П.* Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 30.

¹⁰ См.: *Самохина Е.Г.* Право и нарратив. Предисловие к лекции Дж. Элкинса «В чем суть нарративной юриспруденции?» // Правоведение. 2011. № 6; *Кравиц В.* Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права // Правоведение. 2012. № 1 и др.

¹¹ *Элкинс Дж. Р.* В чем суть нарративной юриспруденции? // Правоведение. 2011. № 6. С. 201–202.

¹² *Барт Р. S/Z* / пер. с фр. Г.К. Косикова, В.П. Мурат. – М.: РИК Культура; Ad Marginem, 1994. С. 17.

¹³ *Агамбен Дж.* Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011. С. 108.

¹⁴ *Сторожева Е.М.* Коннотация и ее структура // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С. 117.

¹⁵ *Ревзина О.Г.* О понятии коннотации / Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. – М., 2001. С. 444.

- ¹⁶ Барт Р. S/Z. С. 19.
- ¹⁷ Честнов И.Л. Универсальны ли права человека: Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 73–82.
- ¹⁸ Андрианов Н.В. Конституция в свете коннотации // Государство и право. 2014. № 1. С. 19.
- ¹⁹ Там же. С. 20.
- ²⁰ Там же. С. 23.
- ²¹ Там же. С. 20.
- ²² Там же. С. 26.
- ²³ Краснов М.А. Перспективы правового государства в России // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 58.
- ²⁴ Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2009. С. 280.
- ²⁵ Шепелев А.Н. Кому предназначены письменные формулировки закона? // Правоведение. 2012. № 3. С. 79.
- ²⁶ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесловие Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; – СПб.: Алетейя, 2005. С. 83.
- ²⁷ Там же. С. 83.
- ²⁸ Там же. С. 98.
- ²⁹ Там же. С. 104.
- ³⁰ Кант И. Критика способности суждения. – М., 1994. С. 50.
- ³¹ Рикёр П. Справедливое / пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие Э. Шлоссер. – М.: Гнозис; Логос, 2005. С. 30–31.
- ³² Пермяков Ю.Е. Обратная перспектива в философском познании права и практической юриспруденции // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания: Материалы Международной научной конференции. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 181.
- ³³ Рикёр П. Справедливое. С. 146.
- ³⁴ Примером проявления рефлексивной способности правового суждения может служить отказ наиболее активной части граждан Ирландии нести дополнительное налоговое бремя за последствия неэффективной, а подчас и противоправной, деятельности правительства. С помощью новейших коммуникационных и медиа-технологий была создана инициативная группа граждан, которая в течение нескольких месяцев разработала текст новой Конституции и представила ее на общественное обсуждение (см.: *Худненко Л.А. Личность в координатах модернизации гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2015. № 4. С. 18).*

REFERENCES

- Agamben G. *Homo sacer: potere sovrano e la nuda vita*. Moscow, Europe, 2011. 256 p. (Russian trans.)
- Barthes R. S/Z. Moscow, RIK Culture; Ad Marginem, 1994. 303 p. (Russian trans.)
- Bergel J.-L. *Theorie général du droit*. Moscow, Nota Bene, 2000. 576 p. (Russian trans.)

Bourdieu P. *Actes de la recherche en sciences sociales*. Moscow, Institute of experimental sociology; Saint Peterburg, Aletheia, 2005. 576 p. (Russian trans.)

Husserl E. Logische untersuchungen. Bd. II. Untersuchungen zur Phaenomenologie und Theorie der Erkenntnis. In: Logos. 1997. № 10. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_10/01.htm (Russian trans.).

Ricœur P. *Le Juste*. Moscow, Gnosis, Logos, 2005. 304 p. (Russian trans.)

Аннотация

В статье исследуются сущность, основные особенности и виды правовых суждений, утверждается зависимость между развитой способностью личности к правовым суждениям и ее правовой зрелостью. Рассматриваются юридический (формально-логический) и лингвистический подходы к изучению правовых суждений. Доказывается, что атрибуты правовых суждений (легитимность, intersубъективность, нарративность, коннотативность, эмерджентность и символизм) образуют систему и направлены на установление тотальной зависимости правовой личности от норм права, в то время как рефлектирующая способность к правовым суждениям, будучи проявлением здравого смысла, оказывается одним из условий формирования правовой личности.

Ключевые слова: способность к правовым суждениям, правовая личность, правовая жизнь, перформативные правовые суждения, мотивирующие правовые суждения, intersубъективность правовых суждений, нарративность правовых суждений, коннотативность правовых суждений, эмерджентность правовых суждений, символизм правовых суждений.

Summary

The article examines the root, main aspects, and types of legal reasoning; relationship between elaborated capacity of the personality for legal reasoning and its legal age of maturity confirms. The article deals with juridical and linguistic approaches to examination of legal reasoning. The article argues that the attributes of legal reasoning (legitimacy, intersubjectivity, narrative and connotative features, emergence and symbolism) form the system and aim to establish total dependence of legal personality on statute of the law, whereas a reflector capacity for legal reasoning, that is in fact the display of sense, appears one of the conditions of legal personality's development.

Keywords: Capacity for legal reasoning, legal personality, legal life, performative legal reasoning, motivating legal reasoning, intersubjectivity of the legal reasoning, narrative and connotative features of the legal reasoning, emergence of the legal reasoning, symbolism of the legal reasoning.